

ХИВИНСКИЙ ПОХОД

Роман Елиава

Тульский детектив

Роман Елиава

Хивинский поход

«Автор»

2026

Елиава Р.

Хивинский поход / Р. Елиава — «Автор», 2026 — (Тульский детектив)

Москва 1893 год. В реке найден труп мужчины с медалью в кармане. Чтобы раскрыть причины его смерти следователю Трегубову и агенту сыскной полиции Павлову придётся погрузиться в события двадцатилетней давности.

© Елиава Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	12
3	16
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роман Елиава

Хивинский поход

1

Молодой человек лет тридцати смотрел невидящим взглядом из окна здания Окружного суда города Москвы. Он не видел ни майской зелени, ни людей, спешивших куда-то по своим делам. Следователь по особо важным делам Иван Иванович Трегубов устался в одну точку. Недавно получивший повышение, Трегубов размышлял о том, что товарищ - иначе, «заместитель» прокурора окружного московского суда Николай Александрович Домерщиков - сильно его недолюбливает, что достаточно откровенно выражается в распределении дел. Несмотря на приставку «по особо важным», Иван Иванович продолжал заниматься обычными делами судебного следователя, закрепленного за полицейской частью. Например, сейчас он занимался делом приказчика, присвоившего себе несколько тысяч рублей. Адвокаты обвиняемого готовились к слушанию дела, утверждая, что только непомерные долги вынудили приказчика совершить это преступление. Они предлагали проявить снисхождение к попавшему в беду, в общем-то неплохому, человеку, отцу троих малолетних детей.

Не сказать, что это дело тянуло на «особо важное». Честно признаться, даже просто важным его бы никто не смог назвать. Трегубов вздохнул. Что греха таить, не любили его коллеги в последнее время. Не все, но большинство из них с тех пор, как он получил повышение посредством прямой просьбы директора департамента полиции Петрова к министру юстиции, что было необходимо для расследования дела о пропаже дипломатического договора между Францией и Россией. Дело, которое Трегубов успешно раскрыл, но не имел права никому о нём говорить, ввиду секретности расследования. То есть, об этом деле никто ничего не знал, а посему Домерщиков считал Трегубова выскочкой, протеже министра, недостойным вести серьезные дела. Трегубов вздрогнул. Стук в дверь кабинета отвлек его от невеселых размышлений.

- Входите, не заперто!

В дверях появился, весьма скромно, но опрятно одетый в гражданское платье, агент сыскной полиции Тверской части Илья Петрович Павлов. Его редкие русые волосы были всклоочены, на бледных щеках горел румянец. Двадцатилетний парень тяжело дышал, так что стекла его круглых очков слегка запотели. Было заметно, что он сильно спешил, и ему нужно время, чтобы отдышаться. Взгляд блеклых глаз полицейского остановился на хмурой физиономии следователя.

- Здравствуйте, Илья Петрович, - поприветствовал вошедшего Трегубов. - Что случилось? Отчего Вы пребываете в такой спешке?

- Труп, - переведя дыхание, ответил полицейский. - Здравствуйте.

- Так что же спешить тогда, ежели человек уже умер? - искренне удивился следователь.

- Доктор торопит, говорит, что у него совсем нет времени.

- Доктора так всегда говорят, будто только они... - Трегубов на мгновение прервался, начав собираться, а затем спросил - Кстати, кто у нас сегодня доктор?

- Григорий Николаевич.

- Чудно, чудно... А что за труп? Что же мы стоим? Идёмте! Видите - я уже готов.

- Утопленник, - ответил Павлов, выходя из кабинета и пытаясь поспеть за следователем.

- Опять из Неглинки вынесло? - предположил Трегубов, не оборачиваясь и продолжая быстро спускаться по лестнице.

- Возможно, - осторожно ответил Павлов, потому как не знал подробностей.

- Бродяга?

- Не могу знать пока. Мужики утром уголь перевозили, вызвали городского, а тот уже нам сообщил. Я наперёд к доктору, - он по дороге живёт, - а потом к Вам.

Из реки Неглинная, которая была давным-давно упрятана в подземный канал, в Москву-реку сливались всевозможные нечистоты, пока недавно убиенный городской глава Николай Александрович Алексеев не начал строить в городе канализацию. Однако тела утопленников выбрасывало из Неглинки с завидной регулярностью, особенно по весне, когда таял снег. Бездомные бродяги тонули в реке, в коллекторах или даже в подвалах, а затем попадали в подземную реку с сильным течением и выходом наружу в самом центре города.

Труп на месте не оказалось, как, впрочем, и самого доктора. Трегубов вопросительно посмотрел на агента сыскной полиции. Тот полез за пазуху и вытащил мандат, показав его грустному, одинокому городскому с обвисшими усами.

- А где Григорий Николаевич, где доктор?

- Доктор, - ответил городской с сильным южнорусским акцентом, - сказали, шо моют руки и уезжают. Дюже торопились.

- Умывает руки, - задумчиво поправил Трегубов. - А тело где?

- Так я и сказал, шо моет! Мертвяка в университет повезли.

- Почему в университет, а не в полицейскую мертвецкую? - удивился следователь.

- А мне почём знать? - пожал плечами городской. - Сказали, шо всё равно не тут его порешили, а моё дело крайнее - караулить до вас тут.

- Полицейская мертвецкая небольшая, может быть, переполнена, а анатомический театр Императорского университета совсем рядом, - пояснил Павлов, который до службы в полиции был студентом медицинского факультета, правда, совсем недолго.

- Тогда поспешим туда, - предложил следователь, - пока его Ваши бывшие товарищи не препарировали.

Анатомический театр университета был построен с соблюдением строгих классических форм: симметрия, высокие окна и рустованные стены: всё это должно было говорить о серьёзности предназначения здания. Григория Николаевича они уже не застали, однако их встретил доктор Полонский и показал тело мужчины между сорока и пятьюдесятью годами. На бледном посиневшем лице с запавшими тонкими губами выделялся огромный крючковатый нос. На худом обнаженном теле не было видимых повреждений, только на лице красовался большой кровоподтёк.

- Я пока не успел его осмотреть, только одежду снял, как вы пришли, - пояснил доктор.

- Он не бродяга, - сказал Трегубов.

- Почему Вы так решили? - спросил Павлов.

- Посмотрите на его ухоженные бородку и ногти на руках.

- Да, совсем не бродяга, - подтвердил доктор. - Одежда вон там в углу, дорогая. Не удивлюсь, что всё сшито под заказ или из Парижа. Ботинки дорогие. В карманах было несколько рублей и золотые часы...

- То есть, это не ограбление, - прервал доктора агент.

- Наверное, нет, - подтвердил тот, - Вам лучше знать. При нем нашли еще это.

Доктор подошел к столу, на котором была свалена одежда, и подал Трегубову медаль - серебряный диск диаметром около трех сантиметров. На одной стороне диска был изображен вензель Александра Второго с императорской короной наверху, с другой стороны располагалась крупным шрифтом дата «1873», а вдоль гурта, по окружности, можно было разглядеть надпись «ЗА ХИВИНСКИЙ ПОХОДЪ». Начало и конец надписи разграничены скрещенными ветвями - дубовой и лавровой.

- Вчера было шестое мая, - сказал Трегубов, рассматривая медаль, - день святого Георгия - покровителя русского воинства. Возможно, что наш труп - военный, офицер.

- Скорее, офицер в отставке, - поправил Павлов. - Костюм гражданский, медаль в кармане.
- Возможно, Вы правы, Илья Петрович, - Трегубов отдал медаль полицейскому, а сам взял посмотреть часы.

- Тут номер, но больше ничего, - проворчал следователь. - Можно, конечно, обойти магазины с часами. Но он мог купить их и в столице, и даже в том же Париже. А вот медаль - это интересно! Нужно узнать, что за медаль и что за поход такой. Это может помочь установить его личность.

- Может, родные его уже хватились, - предположил Павлов.

- Может быть, тогда мы быстро узнаем кто он такой, - Трегубов оставил часы и посмотрел на лицо утопленника. - Доктор, Вы можете что-то сказать до вскрытия?

- В воде пробыл недолго, вполне вероятно, как Вы и подумали, утонул вчера. Видимых повреждений нет, скорее всего, смерть - от лишения воздуха, но точно скажу позже.

- Видимо, хорошо отметил шестое мая, - Павлов указал на синяк на лице, - напился, подрался и утоп.

Следует заметить, что сам агент Павлов совершенно пить не умел и не имел к этому занятию физической предрасположенности, по причине чего иногда попадал в неприятные ситуации, результатом чего и стало его отчисление из университета.

- Может и так, - ответил доктор, - но рекомендую не делать поспешных выводов, а дожидаться вскрытия и моего отчёта.

- Доктор, скажите, а когда мы сможем получить этот отчёт? - спросил Трегубов.

- Я обещал Григорию Николаевичу сделать вскрытие сегодня, - задумался Полонский, - стало быть, отчёт подготовлю завтра. Извините, но ещё дела имеются.

- Илья Петрович, сможете завтра забрать отчёт? - следователь перевёл взгляд на агента сыска.

- Да, конечно.

- Хорошо. Выйдем-ка, не будем мешать доктору, - предложил Трегубов.

Когда следователь и полицейский оказались на улице, Трегубов осмотрелся, помолчал минуту, а затем повернулся к Павлову, который ожидал указаний.

- Знаете ли, Илья Петрович, не нравится мне этот труп.

- Не верите, что сам утоп? Так кто б из душегубов оставил бы при нём золотые часы?

- В том-то и дело, - ответил Трегубов. - Если бы это был простой грабёж, мы бы и разобрались быстро и просто. Выяснили бы имя, что из вещей пропало. Обошли бы скупщиков и ломбарды, нашли бы часы по выгравированному номеру, вышли бы на грабителя. А тут... Тут что-то другое, и неспроста синяк на лице этого господина.

- Думаете, защищался? - спросил Павлов.

- Всё может быть. И почему медаль в кармане?

- Так на гражданском награды не носят, носят на мундире.

- Тогда почему он был не в мундире? Одни вопросы. Шестого мая везде и званые обеды и сборы однополчан, ветеранов разных кампаний. Может быть, он не военный? Может, медаль имеет другой смысл?

- Я разужнаю, что это за медаль и что это за Хивинский поход такой, - пообещал Павлов.

- Будьте любезны, пожалуйста. И ещё допросите этих угольщиков, которые выловили труп, надеюсь, городской взял у них адреса. Возможно, они расскажут что-то интересное.

- Будет сделано.

- Ещё кое-что, - обратился Трегубов к Павлову, - после обеда обойдите все полицейские части в центре. Наш господин скорее всего жил именно здесь. Сегодня или завтра утром домочадцы должны будут начать его искать. Если ничего не будет, пойдите в лучшие гостиницы города, вдруг утопленник иногородний? Не забудьте забрать отчёт о вскрытии.

- Что-то ещё?

- Возьмите всё-таки часы, зайдите по пути в часовой магазин, узнайте на всякий случай, где такие продают. Если не заявят о пропаже и не получится узнать имя с помощью медали, будем иметь список магазинов. Часы, по крайней мере, имеют номер.

- Сделаю, - пообещал Павлов.

- Как у Вас дела с родителями? - поменял тему разговора Трегубов.

Трегубов знал, что Павлов был отчислен из университета за проступок и пошел в полицию, чтобы самому себя обеспечивать и не зависеть от родителей после ссоры с отцом.

- Никак, - пожал плечами агент. - Я встречался с матушкой, объяснил ей, что я уже взрослый, чтобы самому решать, как мне жить.

- А она?

- Она предлагает пойти к батюшке, повиниться и снова пойти учиться, мол, негоже человеку моего положения в полиции служить. Позорю отца.

- Это она зря, - заметил Трегубов, который сам в свое время оказался в схожей ситуации и пошел служить, чтобы прокормить себя и младшую сестру, - но нужно искать способ к примирению. Оставаться в подобных отношениях с родителями непростительно.

- Я понимаю, не глупый. Но как это сделать, скажите на милость?! - горячо возразил Павлов. - Вы просто не знаете батюшку, он очень упрямый.

- Я Вам не могу подсказать как, но нужно искать способ. А вот выбор собственной жизни и будущего должны сделать только Вы; здесь Вы правы и стойте на своём.

- Спасибо за совет, - ответил Илья. - Пойду я уже, дел невпоровот.

- Идите, завтра после обеда заходите ко мне и расскажете, что узнали, а я поутру буду занят - нужно к суду готовиться.

Трегубов простился с полицейским агентом и решил пешком пройти до дома. Павлов действительно чем-то напоминал ему более молодую версию самого себя. Хорошо, что в этом деле они снова будут работать вместе. Илья ещё неопытен, но рвения и смекалки у него не отнять. При определенной доли настырности и везения сможет сделать карьеру в полиции, если захочет остаться, конечно.

По дороге домой следователь зашёл в книжную лавку: ему хотелось отвлечься и что-нибудь почитать вечером, а последний рассказ про приключения британского сыщика Шерлока Холмса был уже прочитан. Лавку держал Прохор Никанорович Ефимов, с которым Трегубов почти что сдружился в последнее время. Трегубов не осознавал этого, но ему было не менее приятно поболтать с Прохором, чем прочитать рекомендованную Ефимовым книгу, поэтому он частенько заходил в эту лавку. Сам Ефимов был здоровенным рыжим детиной с крестьянской физиономией, ни дать ни взять только что от сохи. При том, Прохор Никанорович был хорошо образованным и тонкой душевной организацией человеком. Будучи сыном богатого уральского купца и заводчика, он в какой-то момент решил, что пойдёт в жизни собственным путём. Посему Ефимов собрался и уехал в Москву, где и открыл книжную лавку.

- А, Иван Иванович, доброго вечера! Давненько Вас не было видно.

- И Вам доброго вечера! Дела всё судебные, Прохор Никанорович, только сегодня имею немного свободного времени и вот зашёл к Вам.

- Вы много работаете. Нужно и отдыхать от всех этих судебных дел и преступников.

- Конечно, конечно, уже скоро летние каникулы, отдохну, если ничего срочного не наметится, - ответил Трегубов, подумав про себя, что при нынешнем отношении к нему Домерщикова никаких срочных и важных дел ему не видать.

- Я тоже собираюсь по лету навестить своих; едемте со мною, у нас такая природа, а какая рыбалка... Вы не увлекаетесь? Хотя, где тут в Москве рыбу ловить, да и рыба-то не та.

«Это уж точно - одни утопленники и нечистоты в реке», - подумал Трегубов, а вслух сказал:

- Спасибо, Прохор Никанорович, за приглашение. Обязательно обдумаю его, а сейчас не могли бы Вы мне что-нибудь посоветовать к чтению?

- Чего изволите? Приключения? Детективы? Хотя нет, этого у Вас верно и так предостаточно в жизни.

- Хотелось бы чего-то увлекательного, но при этом не пустого, если Вы меня понимаете, - попросил следователь.

- Что же такое может быть... - рыжий детина оглядел свою лавку, а затем радостно воскликнул, - «Палату номер шесть» Вы поди ещё не читали?

- Не доводилось, а что это за палата такая? - заинтересовался Трегубов.

- Вот, - сказал Прохор, протягивая книгу, - прошлогодняя повесть Антона Павловича Чехова. Здесь Вам и ирония жизни, и сюжетец интересный. Не буду рассказывать, сами прочитаете.

- Чехов - отлично, - ответил Трегубов, - беру.

Когда Трегубов подошёл к дому, уже смеркалось. Он нетерпеливо крутил на ходу в руках новую книгу, предвкушая интересный вечер с ней наедине. У подъезда его окликнул дворник:

- Иван Иванович, Вам письмо.

- Спасибо, - Трегубов подошёл и взял конверт.

Уже дома он отложил на стол книгу и зажёл настольную лампу. Письмо было от его сестры Софьи, которая с мужем, инженером, жила сейчас в Петербурге. Трегубов разорвал конверт и пробежал текст глазами. Сестра сообщала, что через месяц у мужа будет отпуск, и они втроём, с племянником Ивана, смогут приехать к нему в гости в Москву.

Трегубов поднял голову и тоскливо оглядел хаос, царивший в его холостяцкой квартире. Нужно будет основательно убраться и подготовиться к приезду родственников.

Следующее утро следователь потратил на выверку документов, которые должны были доказать злой умысел приказчика и подтверждение всех присвоенных сумм. Скучно, а что прикажете делать? На это время, занявшее его мысли в большей степени бюрократическими, чем логическими задачами, он совсем забыл про вчерашнего утопленника. Напоминание об этом деле объявилось перед обедом, причём в совершенно неожиданной для следователя форме или, выразимся точнее, не в форме, а в виде товарища прокурора окружного суда, появившегося на пороге его кабинета.

Трегубов оторвал глаза от бумаг и в полном недоумении несколько мгновений пялился в дверной проём, силясь понять, не мерещится ли ему начальство. Мысли, опутанные юридическими формулировками, потеряли свою остроту.

- Николай Александрович... - растерянно пробормотал следователь.

- Трегубов, чем Вы заняты? - без приветствия спросил Домерщиков.

Следователь, наконец осознавший, что прокурор реально присутствует в его кабинете, быстро вскочил со стула и пустился в путанные объяснения про приказчика и его кражи. Домерщиков прервал его уже через несколько секунд.

- Хватит, пожалуйста. Я достаточно услышал. Я про другое дело.

- Какое? - оборвал свой поток мыслей Трегубов.

- Вы вчера нашли утопшего, - утвердительно сказал Домерщиков.

- Не я, собственно, но я веду это дело. Всё верно.

- Вы уже знаете, кто это? - спросил прокурор.

- Ещё нет, но...

- А я знаю, - заявил Домерщиков.

- Вы знаете?! - удивился Трегубов. - Но как?

- Важно не как, господин следователь, а кто это!

- И кто это?

- Долгоруков-Смоленский, полковник в отставке, - многозначительно сказал Домерщиков.

- Мне это ни о чём не говорит, - откровенно признался Трегубов.

- Вам не говорит, а мне говорит. Это хоть и дальний, но родственник князей Долгоруковых.

- Ах, вот как! Мне следовало бы понять из имени... - начал было следователь, для которого и это не прояснило ситуацию.

- Именно так! И я сомневаюсь, справитесь ли Вы с расследованием обстоятельств его гибели, - Домерщиков замолчал и прищурился, словно стремясь получше разглядеть стоявшего перед ним следователя, оценить его способности.

- Но почему? - спросил Трегубов.

- Будем честны, Иван Иванович, - начал Домерщиков, оглянувшись через открытую дверь в коридор и убедившись, что там никого нет. - У Вас специфическая репутация. Вы провалили единственное дело, которое вели в новой должности. Преступник, убивший несколько женщин, скрылся за границей, избежав правосудия. Постойте, не желаю слышать оправдания, дайте мне закончить!

Трегубов, открывший было рот, снова его закрыл и приготовился слушать дальше.

- У Вас нет никаких достижений и заслуг, но Вы непонятным мне путем получили повышение, обойдя в этом более достойных кандидатов, - продолжил Домерщиков. - Не мне, конечно, судить министра юстиции. Но он далеко, в столице, а я здесь, и я буду наблюдать за Вами. Надеюсь, что в этот раз Вы справитесь, - многозначительно закончил прокурор и вышел вон.

Трегубов молча опустил на стул, не обращая внимания на протиснувшегося в кабинет Павлова.

- Это ж были Николай Александрович? - кивнул Илья в сторону коридора, усаживаясь на против следователя.

- Он, - ответил Трегубов, собирая мысли воедино.

- Что хотел от Вас? По другому делу пришёл?

- Вы узнали, как зовут покойника? - ответил вопросом на вопрос следователь.

- Нет, ещё нет, - замялся Павлов.

- А вот я знаю.

- Знаете? - агент удивился также, как недавно сам Трегубов. - Откуда?

- От Домерщикова.

В кабинете повисло молчание. Каждый думал о своём. Трегубов - о карьере и проблемах, а Павлов о том, как теперь рассказать следователю об утреннем происшествии. Первым нарушил тишину Трегубов:

- Фамилия уопленника - Долгоруков-Смоленский. Он, действительно, отставной военный, но главное не в этом, а в том, что он - пятая вода на киселе, но родственник князей Долгоруковых. Дело теперь под особым контролем. Что же Вы молчите, Илья Петрович? Расскажите, что узнали Вы.

- Я ещё не ходил за отчётом по вскрытию, - начал Илья, нервно облизывая внезапно пересохшие губы. - Я решил начать с часов и медали.

- И? - спросил Трегубов, видя, что собеседник замолчал.

- Чёрт меня дёрнул пойти через Хитрову площадь, - тихо ответил полицейский и снова замолчал.

- Что же случилось? - холодно спросил Трегубов, предчувствуя что-то нехорошее.

- Девушка, - опустил глаза в пол Павлов. - Она наткнулась на меня, улыбнулась и извинилась, я отвлекся, буквально на мгновение, но тут чувствую, кто-то шарит у меня по телу. Я поймал руку, повернулся, - там вторая. Но тут первая подставила ногу и сильно толкнула.

Я упал. Тут же вскочил и за ними, через толпу. Они немного оторвались и свернули за угол, я туда за ними - всего-то несколько секунд - а их нет. Я свищу, прибежал городской, мы с дворниками всё обыскали, девиц и след простыл.

- Продолжайте, пожалуйста, - замогильным голосом предложил Трегубов, глядя прямо на агента.

- Часы и медаль украли, - не поднимая глаз, пробормотал Павлов..

2

С чего же мне начать? Уже двадцать лет минуло с той памятной весны, весны семьдесят третьего. Многое забылось с тех пор, но что-то до сих пор словно перед глазами. Отправились мы в поход на Хиву; представьте себе, прямоком через пустыню, что хивинский хан считал невозможным. На то и был расчёт командования. Собирали провизию и войско для похода начали задолго до этого. Собирали со всего Кавказа. Я говорю только про наш, Мангышлакский, иначе, Кавказский отряд, а были ещё Туркестанский, Оренбургский и, так и не дошедший до Хивы, Красноводский отряды. Готовить поход стали после неудавшихся переговоров с ханом, коего просили отпустить русских пленных и наконец разъяснить свою позицию к Российской империи и нашему государю. Потребовали, чтобы рассказал, для чего он пленял русских. Хотя что тут объяснять: всё хивинское ханство стояло исключительно на рабовладении. Все это знали. Хивинцы хватали всех, кто попадётся в набеге: будь то перс, киргиз или даже русский. Набеги эти происходили всё чаще и чаще. Однако, Хива была далеко, поэтому готовиться стали сильно загодя. Собирали провиант, верблюдов. Почему верблюдов? Так идти нужно было через пустыню, поэтому решили: пойдем с верблюдами. Иначе, как взять с собой провианта на два месяца? Лошади не выдержат. Нужно отметить, что солдаты наши и казаки доселе не видели этих животных и не знали, как с ними обращаться. Хорошо помню, как первый раз привели верблюжий транспорт. Как раз в марте это случилось, когда у верблюдов течка. В это время они вялые и много болеют. Но кто ж тогда знал об этом? Совсем ничего не знали мы и про пустыню, и про то, как обращаться с верблюдами, а нужно было их нагрузить и выступить в поход.

Поначалу у всех был страх перед невиданными животными, но затем смельчаки стали подходить и трогать животных, не зная, что верблюды могут обрызгать своей жвачкой, что они и не преминули сделать. Не всегда хватало у солдат терпения и понимания верблюжьих привычек. Например, если навьючить неправильно или перегрузить верблюда, то он лежит и не встает. Солдаты думали, из упрямства; били и дергали за веревки, привязанные к палкам, что продеты сквозь ноздри. Посему много животных было с порванными ноздрями. Лишь потом пришло понимание, насколько зависим мы от верблюдов в пустыне. Что они - настоящие неприхотливые помощники. Те, что довольствуются скудной растительностью пустыни. О верблюдах я говорю для примера, чтобы показать, как мало мы понимали о тех местах в то время.

Собирались мы в Киндерли, войска и провизия прибывали разными путями: и по суше караванами, и на шхунах компании «Кавказ и Меркурий». Не всё шло гладко. Бывали стычки с местными - места там беспокойные.

Нашего полка пришли три стрелковые роты и четыре линейных, каждая по сто двадцать человек, самых сильных, отобранных для перехода через пустыню. Чем стрелковая рота отличается от линейной? Вижу, не служили Вы в армии. Линейная рота наступает колонной, а стрелковая - россыпью, поддерживает атаку, в ней лучшие стрелки. Были ещё роты Ширванского, Самурского полков и команда саперного батальона. А музыканты были из нашего полка, куда ж без музыки. И, конечно, казаки, несколько сотен. Всего набралось боле двух тысяч душ и две батареи орудий.

Мы были в батальоне майора Буравцова, в одной роте два новоиспеченных подпоручика: Фёдор Левенцов и я. Это был первый боевой поход для нас. Мы ничего не боялись, наоборот, с нетерпением ждали начала кампании. Знаете, такой возраст, когда трудностей не замечаешь и кажется, что ты бессмертен, что пуля просто не может попасть именно в тебя. В другого - да, но не в тебя, поскольку ты и есть центр вселенной, и вертится всё исключительно вокруг тебя. В Фёдоре все эти качества были помножены на два. Он просто горел желанием отличиться

в походе, и все его помыслы в тот момент были только о воинской славе. Как же мы были глупы тогда и совершенно не понимали, что нас ждёт!

И вот наш строй четырнадцатого апреля: солдаты в гимнастических рубахах, у каждого ещё мундир, сапоги, шинель и запас сухарей на четыре дня. У офицеров - дополнительно чай, сахар, табак и войлок для сна. Никаких походных кроватей и палаток мы тогда не взяли, поскольку нужно было тащить много провианта. Все пешие - и солдаты, и офицеры. На конях только кавалерия, шесть сотен.

Первым к нам вышел полковник Ломакин, командир нашего отряда. Он говорил о том, что нам предстоит преодолеть много трудностей в пустыне, прежде чем доберемся до Хивы. Говорил, что нужно помолиться, чтобы выполнить начертанное и вернуться назад. Как только полковник замолчал, Левенцов как завопит «ура» прямо мне в ухо, остальные тотчас подхватили и успокоились потом не сразу. После богослужения свою речь сказал и наш отрядный священник Андрей Врашкевич; напомнил про присягу, про то, что нужно уповать на святую помощь и что сами мы идём на дело святое - выручать наших братьев из неволи, неверных. А это - богоугодное дело, за которое можно положить свою душу. Хорошо говорил, проникновенно. Смотрю, у Фёдора аж глаза от навернувшихся слёз заблестели, да и не только у него.

Затем, как сейчас помню, выступил князь Меликов, командующий кавказкой армией, который прибыл специально дать нам своё напутствие. От его имени полковник Ломакин наградил казаков, отличившихся в стычках с киргизами. К этому моменту подустал я уже: за два дня до этого наступила жара. Хотя все и были возбуждены, стоять на жаре дело такое, гиблое. Дальше прошли мы церемониальным маршем мимо командира отряда и с песнями отправились в поход. Наша рота - в передовом отряде под командой майора Буравцова, в авангарде, стало быть. К тому времени наступил уже полдень и солнце стояло высоко.

Ушли мы совсем недалеко от лагеря, когда начались первые проблемы. Как говорил ранее, не умели мы с верблюдами обращаться. Представьте: прошли только несколько сот шагов, как некоторые верблюды стали падать под тяжестью व्यюков, с других же плохо закрепленные व्यюки сами на землю валились. Как быть прикажете? На марше не перераспределить тюки по верблюдам, поэтому начали их таскать назад, в лагерь, дабы там их снова нагрузить. Ведь когда пройдешь несколько верст, то уже и не вернешься - далече. Придется просто оставлять груз на земле, где ложатся верблюды. И вот идём мы дальше. Жара, под ногами сыпучие пески, ноги вязнут, да и идти на подъём надо. Всем трудно. Пот застит глаза. Усталость по кому сразу видно, а кто-то не показывает - старается. Смотрю поручик Долгоруков-Смоленский из третьей роты еле ноги тащит, а нос свой орлиный аж к небу задрал, на нас новичков внимания не обращает. Гордый. Он-то уже не первый год на службе. Ничего не скажу против - хороший офицер был, хоть и с замашками. С Левенцовым у него приятельские отношения складывались ввиду некоторой схожести характеров. Фёдору знатности не хватало, а так бы тоже нос задрал.

Какие у меня сложились отношения с Левенцовым? Нормальные, служебные. Но дружбы не было по причине определённых сторон его поведения. Вот так прошли мы пески и обрадовались, когда почва стала твердеть. Вдруг слышим впереди крики: оказалось лошадь одного казака по брюхо провалилась в землю. Пехотинцы кинулись и помогли вытащить её, но пришлось коннице дальше осторожнее идти, вся земля была подрыта какими-то животными, то и дело кто-то проваливался в ямы.

Остановил нас майор на ночлег только ночью. До колодцев, мы как планировали, тогда не дошли. За первый же день потеряли несколько верблюдов и бог весть сколько пудов запаса провианта. Воду пили только ту, что с собой взяли. Все устали, но с самого утра снова в поход, и через шесть верст вышли наконец к высохшему озеру Каунду и колодцам Он-Каунды. Было всего часов восемь утра, а мы уже потеряли полтора десятка верблюдов с грузом. Поход начался с трудностей, как и обещал нам полковник Ломакин. Я в первый раз тогда испробовал воду пустыни. Сначала к колодцам подошла третья рота, затем мы. Смотрю: мордатый такой

подпоручик Саленко, из Малороссии, - тоже первый раз в походе, но я с ним тогда ещё не сдружился, - как хлебнет воды из колодца запрокинув голову, так тут же его и вывернуло наизнанку. Всё что было в желудке на землю выплеснуло.

Я понюхал воду, попробовал. Вкус горько-солёный, пить такую совсем не хотелось, но надо, другой нет. Ни кипячение, ни добавление в неё рому не помогало. Как результат - у всех понос, извиняюсь. И тут, в этот непростой для наших животов момент, майор Буравцов посылает нашу роту и сотню казаков по дну высохшего озера вперёд по короткой дороге, расчистить следующие колодцы Арт-Каунды, чтобы колонна смогла сразу напиться после перехода. Приказ есть приказ. И вот мы идём через озеро, остальные – вокруг; дорога всё время на подъём была, но ничего, сдюжили, дошли и колодцы почистили. Однако основной отряд не смог за день дойти до них и уже в темноте остановился в трех верстах от колодцев, хотя проводники киргизы уверяли, что идти до них всего три часа. Говорят, у командования было больше доверия Кобаку Ермамбетову, а к остальным проводникам меньше. У меня вообще не было никакого доверия к ним. Абсолютно никакого! Как можно с одними киргизами вести перестрелки, разорять их аулы, а другим доверять свои жизни, скажите на милость? Допустим, все эти киргизы разные. Допустим. Но как их отличить одних от других? Может, они тебя ведут не к воде, а в засаду? И вот сидим мы у колодцев, устали от перехода, от работы. Темнеет, а основной колонны нет. Я спрашиваю Фёдора:

- А ну как киргизы наших в засаду завели, и мы тут одни остались?

- Не бойся, Митя, нас голыми руками не возьмешь! Какие киргизы? Никто не остановит такое войско!

В этом был весь Левенцов: ни тени сомнения, ни в себе, ни в других.

В эту ночь пришлось нам таскать воду. С ночлега колонны присылали команды с повозками, которые и возили воду в лагерь.

Так наступило шестнадцатое апреля. Напоили всех людей, лошадей и верблюдов, благо воды в колодцах было много. Мне же отдохнуть не посчастливилось: с утра нашу роту снова отправили вперёд с той же задачей, на этот раз к колодцам Сенек. С одной стороны, мы меньше отдохнули, с другой стороны, мы все понимали необходимость такого шага. Отряд снова потерял более десятка верблюдов, и тюки с запасами уже нельзя было просто оставлять на дороге: провизии могло не хватить на весь поход. Поэтому груз стали равномерно распределять между ротами.

Когда мы ушли, основной отряд тоже выступил. Падёж верблюдов продолжался. Верблюды просто ложились на землю и отказывались идти дальше. На всем пути отряда валялся брошенный провиант. Люди сбивались с ног. Колонна растянулась, и майор приказал остановиться на ночлег. Следующий день начался с того, что собирали тюки и верблюдов вдоль пройденной дороги. Жара, а у многих закончилась вода. Тогда Буравцов приказал выдать по несколько чарок из запасов. Помимо всего прочего в пустыне поднялся жаркий удушливый ветер.

Но всё это я узнал позже, потому что, как я и говорил, наша рота под командой капитана Усачёва и сотня всё тех же кизляро-гребенских казаков сотника Суцевского пошли вперед, напрямую через гористую местность. С нами были две повозки, загруженные пустыми бурдюками и котелками.

В это время основная колонна двинулась к колодцам Сенек по длинному, кружному пути вокруг гор, по пустыне. Жара стояла просто нестерпимая, а воды у них уже практически не оставалось, даже той плохой, что набрали в колодцах. Идти нужно было в подъем, неся на себе килограммы амуниции и оружия. Слабеть стали уже не только верблюды, но и люди. Первыми сдали музыканты. Затем отставать стали нижние чины, сначала по одному, а затем уже десятками. Офицеры раздали солдатам оставшуюся воду и помогали уставшим нести их ружья. Колонна снова растянулась, и майор Буравцов был вынужден объявить привал на ночлег, чтобы

собрать отставших. К полуночи последние из них кое-как добрались до лагеря. Воды не было, из-за жажды никто не спал, хотя все смертельно устали. Кто-то молился, кто-то шатался по лагерю в поисках любого источника влаги. Прошёл слух, что проводники киргизы скрывают воду и продают её по рублю за стакан. Конфликт с трудом удалось погасить, и майор вывел отряд в сторону колодцев Сенек за два часа до рассвета.

Вставшее солнце снова принесло с собой изнуряющий зной; как и накануне подул сухой ветер, который не давал дышать и поднимал в воздух песок. Когда несколько солдат пропало, майор развернул вокруг идущей колонны отряды казаков, чтобы они искали отбившихся. Среди проводников прошёл слух, что в нескольких верстах есть большая лужа воды, и Буравцов отправил владикавказскую сотню казаков попытаться её отыскать. Тем временем люди один за другим начали падать, кто на колени, а кто и плашмя. Те, кто мог, шли, едва волоча ноги. Все спешили. На лошадей, которые тоже страдали от жажды, сажали только совсем обессиленных солдат. Колонна представляла собой ужасное зрелище: вдоль всей дороги, по которой она прошла, в песках валялись верблюды, тюки, амуниция и оружие. Со всех сторон слышались стоны и просьбы дать хоть каплю воды. Люди падали и разрывали раскаленный песок, чтобы добраться до влажной земли. А если это удавалось, то набивали ею рот и сосали. Некоторые, раздевшись донага, пытались закопаться в эту землю, лишь бы спрятаться от убийственных лучей солнца.

Вернулась владикавказская сотня, которая привезла десяток вёдер белой жижи, добытой из лужи. Эта влага позволила части отряда пройти ещё немного вперёд. Затем и последние, кто ещё мог идти, остановились. Двигаться дальше не было сил, люди теряли сознание и падали от солнечных ударов. Казалось, что сама пустыня решила уничтожить незваных гостей, нарушивших покой её песков.

3

После слов агента Павлова о краже вещественных доказательств, а, возможно, и улик по делу знатного утопленника, Трегубов только выдохнул и посмотрел поверх агента. Интуиция не подвела: дело сразу ему не понравилось. Теперь становилось понятно почему. Всё шло наперекосяк с самого начала.

- Я попробую найти и часы, и медаль, - извиняющимся тоном сказал Илья, - обойду скупщиков и ломбарды.

- Есть ли у нас на это время? - недовольно спросил Трегубов.

- Попрошу ребят помочь, - нашелся полицейский, - они помогут.

- Хорошо, попросите, - согласился следователь, - чувствую, что не случайно упал в реку наш Долгоруков-Смоленский.

- А как, извините, господин товарищ прокурор узнал его имя раньше нас?

- Не знаю, но предположу, что родственники начали искать утопленника практически сразу.

- Как же нам узнать, кто они?

- Через морг, - ответил Трегубов. - Кто-то же подтвердил смерть и связал меня с этим делом. Когда пойдете за отчетом к Полонскому, узнайте о родных и сразу ко мне. Что-то ещё есть?

- Ничего существенного: угольщики ничего интересного не сказали, а найденная медаль не является уникальной. Таких было отчеканено на монетном дворе аж пятнадцать тысяч. Это памятная медаль за хивинский поход, в котором участвовало множество разных полков.

- То есть, ничего конкретного по медали, - недовольно заключил следователь.

- Ничего, пятнадцать тысяч вариантов.

- Что-то ещё? Что это был за поход? Это же было до последней турецкой войны, судя по дате на медали?

- Да. Война против хивинского хана. Ханство находится между Россией и Бухарским эмиратом, целью было обозначено освобождение рабов из плена. Сейчас Хива - это протекторат империи.

- То есть, поход закончился успешно?

- Да, хана победили, - ответил Павлов. - Но мне пора идти к доктору.

- Идите, а я пока закончу свои дела, - сказал Трегубов.

И он, действительно, закончил подготовку к суду ко времени, когда полицейский агент вернулся с пачкой документов.

- Отчёт, - сказал Павлов, положив бумаги на стол, - но в нём ничего нового. Причина смерти - лишение воздуха путем утопления, как доктор и сказал ранее. Ссадина на лице получена вчера до момента смерти, то есть, не может быть результатом попадания в канал. Ещё наш утопленник был трезвый, когда попал в воду.

- Получается: либо его кто-то толкнул, либо он сам утонул, - задумался Трегубов, просматривая отчёт.

- Думаю, что нужно допросить его жену.

- Жену?

- Да, это она искала его, когда он не вернулся вовремя в гостиницу. Утопший - это отставной полковник Апшеронского пехотного полка Александр Сергеевич Долгоруков-Смоленский.

- Этот полк, как я понимаю, участвовал в Хивинском походе?

- Совершенно верно, я навел справки. Апшеронский - один из старейших полков: участвовал, наверное, во всех войнах, начиная со шведов под командованием Петра Первого, закан-

чивая Наполеоном и турками, прошел всю Европу и, как видим, попал даже в Азию. Сейчас расквартирован на Кавказе. Сам же отставной полковник живёт в столице. Простите, жил в Петербурге. Остановились они с женой, Анной Львовной, в гостинице «Славянский базар», что на Никольской.

- Да, знаю эту гостиницу, - сказал Трегубов, вспомнив встречу в ресторане гостиницы со Стрельцовым-старшим, который тоже любил там останавливаться, будучи в Москве. - Придётся нам навестить её там, негоже в таком состоянии таскать бедную женщину в полицию. Тем более, здесь недалеко.

По дороге в гостиницу Павлов рассказал о своём визите в полицейскую часть.

- Блоха, то есть, агент Блохин, сказал, что знает этих девиц. Не то, чтобы лично, - поправился агент, поймав обнадеживающий взгляд следователя, - а числится за ними много, ищет их полиция. Очень ловкие, работают в основном по часам, по богато одетым мужчинам. Схема такая же, как со мной: одна отвлекает, вторая шарит по карманам.

- Однако, не обессудьте, господин агент, но Вы не выглядите настолько богато, чтобы можно было предположить золотые часы в кармане, - подметил Трегубов.

- Тут Вы правы, - слегка покраснев, ответил молодой агент, - наверное, случайно под руку попался.

- И как мы можем вернуть часы и медаль, если полиция их поймать не может? - спросил следователь.

- Блохин говорит, есть один человек на Хитровке, который знает основных скупщиков, а ещё принимает заказы.

- Заказы?

- Да, - ответил Павлов. - Вы можете заказать у кого что украсть и даже каким способом, а этот человечек подберет Вам исполнителя и, ежели надо, ещё и продаст награбленное. За дополнительное вознаграждение, конечно.

- Я верно понял, ты пойдешь и попросишь его найти нам этих девиц, чтобы они для нас совершили определенную кражу?

- Да, в общем-то верно... но идти придётся Вам, Иван Иванович. Притворитесь клиентом. Я хоть в полиции недавно, но уже мог примелькаться. Не ровен час, кто узнает, а Вас в лицо подобный люд не видел. Заманим девиц и возьмём в момент кражи. Что скажете?

- Выглядит разумно. Обсудим детали позже. Мы уже пришли.

Павлов и Трегубов подошли к трехэтажному зданию по адресу: Никольская улица, дом семнадцать.

- Здравствуйте! - обратился к швейцару следователь. - Мы бы хотели переговорить с вашей постоялицей Долгоруковой-Смоленской.

- Здравствуйте, господа! С какой целью, как вас представить? - швейцар цепким взглядом оглядел Трегубова и Павлова. - Полиция? - предположил он.

Следователь посмотрел на агента, тот достал свой мандат и показал его швейцару.

- Полиция, - подтвердил Павлов и добавил, - она, возможно, ожидает нас.

- Проходите, господа, - посторонился швейцар, - подождите в вестибюле, я сейчас попрошу портье оповестить о вашем приходе.

Трегубов посмотрел на суету, царящую в вестибюле, гостей с чемоданами... Кто-то заседался, а кто-то - наоборот.

- Знаете, мы лучше обождём в ресторане, кажется, там сейчас менеелюдно, чем в вестибюле.

- Как вам будет угодно, господа, - ответил швейцар.

Ресторан гостиницы, несколько лет назад перестроенный австрийским архитектором, представлял из себя огромный зал с витиеватыми колоннами, фонтаном, высоким потолком и огромными прямыми окнами, увенчанными сверху небольшими полукруглыми фрами.

Много естественного света, много пространства и воздуха. Посетителей в этот час было действительно мало, большинство столов, укрытых белоснежными скатертями, пустовали. Следователь и полицейский заняли крайний столик. К ним сразу кинулся официант, но Павлов снова показал свой мандат и попросил не беспокоить. Вскоре швейцар привел дородную даму с немного растрепанной прической. Волосы женщины уже изрядно поседели, на лице выделялись красные, заплаканные глаза. Одежда вдовы также была в легком беспорядке, что нетрудно объяснить трагичностью происшествия. Швейцар указал на полицейских, и дама поспешила к их столику. Мужчины привстали, а Павлов отодвинул стул, приглашая женщину присесть.

- Здравствуйте. Вас прислал господин прокурор? - спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

- Да, - ответил Трегубов, - меня зовут Трегубов Иван Иванович - следователь по особо важным делам, к Вашим услугам, а это - Илья Петрович Павлов из сыскальной полиции.

- Я не понимаю, как такое могло произойти? - торопливо и нервно начала женщина. - Вы уже узнали, как это случилось? Я не понимаю.

- Анна Львовна, я знаю, как Вам трудно сейчас, но давайте, пожалуйста, успокоимся. Мы пока не знаем всех обстоятельств гибели Вашего мужа и надеемся, что Вы нам поможете разобраться.

- Хорошо, спрашивайте, - ответила женщина, пытаясь взять себя в руки, - я готова помочь, но так и не могу поверить в то, что случилось.

На её глаза навернулись слёзы, и Анна Львовна, как будто украдкой, вытерла их материализовавшимся словно из воздуха платком, который затем исчез также таинственно, как и появился. Павлов и Трегубов переглянулись: несмотря на очевидное горе вдовы, допрос нужно было продолжить. Иван решил быть максимально тактичным.

- Скажите, Анна Львовна, как давно и с какой целью Вы приехали в Москву?

- Три дня назад. А живём мы в Петербурге на Васильевском. Муж как вышел в отставку, мы там и поселились. Каждый май, на святого Георгия, мы приезжаем и останавливаемся в этой гостинице, чтобы муж встретился с однополчанами, которые живут в Москве. Кроме прошлого года, когда мы ездили в Тифлис, где сейчас расквартированы штабные офицеры, с которыми он служил.

- А кто это именно? Вы знаете имена? С кем он обычно встречается в Москве, когда Вы приезжаете?

- Да, конечно, знаю, - сказала женщина, а Павлов приготовился записывать, - во-первых, это полковник в отставке Барабанов, с которым мой муж очень дружен... был дружен, - поправились она и на миг сбилась, но быстро продолжила, - штабс-капитан Саленко, тоже в отставке, потом, муж Даши Николаевой, Дмитрий Степанович. Остальных не вспомню, кто не в нашем полку служил.

- Спасибо. Не подскажите, с кем именно он встречался шестого мая?

- Утром - с Алексеем Леонтьевичем Барабановым. А вечером он сказал, что ему нужно прогуляться одному и подумать. Он взял книжку, он любит читать в парках...

- Извините, о чём ему нужно было подумать? - перебил женщину Иван Трегубов.

- Не сказал, но он сам не свой был после встречи с этим человеком.

- С каким человеком? - насторожился следователь.

- Не знаю, - призналась вдова. - Мы пообедали в ресторане и решили прогуляться в сторону Кремля, и тут мужа кто-то окликнул по имени. Я никогда этого человека раньше не видела, и мне показалось, что мой муж его тоже не сразу узнал. Он сказал что-то похожее на «это ты», тот ответил, что, мол, да, это он. Затем муж попросил меня одной подняться в номер, сказал, что ему нужно побеседовать со старым другом.

- Что было потом?

- Потом, его не было около часа. Вернулся он взволнованный, долго ходил туда-сюда, потом ушёл. Сказал, что ему нужно побыть одному и обдумать... Это я уже говорила... Подождите, Вы думаете, что виноват этот господин?

- Анна Львовна, мы пытаемся лишь выяснить все события того дня, чтобы понять, как Ваш муж оказался в реке.

- Скажите мне честно, его убил тот человек? - глаза женщины снова заблестели.

- Мы пока не знаем, могу Вас заверить. Кроме того, у нас пока нет причин так думать. Возможно, это был несчастный случай. Для этого нам нужно выяснить время, место и обстоятельства, может быть, найти свидетелей.

- Хорошо, - слегка успокоилась вдова полковника.

- Как выглядел тот человек?

- Я, собственно, сильно не вглядывалась. Обычно выглядел: хороший костюм серого цвета, ростом и комплекцией как Вы, только с бородой.

- Сколько ему лет?

- Думаю, среднего возраста.

- Какого цвета борода? Большая? Что ещё заметили?

- Простите, нет, борода обычная, черная, небольшая, я плохо вижу в последнее время. Всё как в тумане. Читаю в очках.

- Больше ничего не вспомните?

- Ничего, да и не было нужды запоминать, - покачала головой женщина.

- Анна Львовна, я понимаю, что это прозвучит неприятно и, может быть, глупо, но я должен спросить. Не было ли у Вас, у Вашего мужа каких-то проблем, возможно, денежных затруднений или чего-то, что могло привести...

- Вы имеете в виду, что он мог наложить на себя руки? Нет, ничего такого. Это не в его характере. Разве станет человек, который собирается это сделать, покупать новую книгу, чтобы прочитать её? Всё у нас было хорошо. А мой муж был человеком волевым и сильным. Нет, такое точно не могло с ним произойти. Это либо несчастный случай, как Вы сказали, либо чей-то злой умысел.

- Скажите, были ли враги у Вашего мужа, Вы говорите, что он был с характером?

- Вы правильно сказали про характер. Действительно, он имел сложный характер. И я не думаю, что все однополчане его любили. Но он был справедливый, честный и не конфликтный. Не могу сказать, что кто-то желал бы ему или нам зла. Не могу вспомнить такого, как ни стараюсь. На ум приходит только одно происшествие, но это было давно, и не думаю, что это имеет отношение к смерти моего мужа.

- Что за происшествие? - заинтересовался Трегубов.

- Много лет назад, ещё на службе в Тифлисе, кто-то залез ночью к нам в квартиру. Я услышала шум и встала, увидела, как тень движется. Испугалась, что грабитель забрался, закричала громко, так, что не только мужа, ещё и соседей разбудила. Грабитель, очевидно, тоже испугался и убежал. Вот и все наши злоключения. Бог миловал. До сего дня.

- А что украл этот грабитель?

- Ничего. Наверное, не успел найти ничего ценного.

- Похоже это действительно не имеет отношения к делу. Простите, что напоминаю Вам тяжелые моменты, - начал следователь, - но как Вы поняли, что с Вашим мужем что-то случилось?

- Мне, конечно, трудно сейчас, но знаете, я в некоторой степени привыкла, привыкла к чувству, что это когда-нибудь случится. Это или подобное. Может, это звучит отталкивающе, но поймите меня правильно. Представьте себя на моём месте: то Хива, то турецкая кампания, то чеченская кампания, когда его не было дома месяцами. А ты дома одна и ждёшь, что в один момент к тебе придут и скажут: «Ваш муж героически погиб на службе». Приходится учиться

жить с этой мыслью, чтобы не сойти с ума. Учишься принимать неизбежное. Хотя я, конечно, никогда не думала, что это будет именно так, - женщина замолчала.

- Анна Львовна, а как Вы поняли, что что-то случилось?

- Мой муж – военный. Был военный. Он очень педантичен: всё должно быть на своём месте, всё должно быть вовремя. Он всегда ложился спать в десять тридцать и обещал вернуться до десяти. А раз обещал, то выполнял. Поэтому, когда он не вернулся до десяти тридцати, я сразу поняла, что случилось что-то плохое.

- Простите меня, что я Вас взволновал своими вопросам, Вы сможете дать нам адреса его сослуживцев в Москве?

- Да, безусловно, но мне нужно будет подняться и принести, на память не помню. Но всё записано.

- Конечно, конечно, - согласился Трегубов.

- Скажите, пожалуйста, Анна Львовна, что за книга была у Вашего мужа? - поинтересовался Павлов, - при нём её не нашли, может, он оставил её у кого-то?

- Книга, ах, книга, запомняла. А... «Палата номер шесть» Чехова, он купил её здесь, в Москве.

Трегубов вздрогнул и удивился такому совпадению, - он тоже только-что купил ту же самую книгу, только в отличие от несчастного полковника, он сможет её дочитать до конца.

- Скажите, а медаль «За Хивинский поход» была у Вашего мужа? - снова спросил полицейский агент.

- Да, ею наградили всех участников похода, она в номере наверху с остальными наградами. Вам её принести показать?

Трегубов и Павлов молча переглянулись.

4

Пока авангард отряда, состоящий в основном из рот апшеронского полка под командованием майора Буравцова погибал в песках, наша рота вместе с сотней казаков шла к колодцам напрямую через гористую местность. Командир роты капитан Усачёв положился на проводников-киргизов. Но то ли они плохо знали дорогу, то ли хотели погубить две сотни русских солдат, - а я склоняюсь именно к последней версии, - в итоге мы сбились с пути. Шли наугад, дороги не было, а идти в гору в полной амуниции - это тот опыт, который нужно пережить самому, чтобы осознать, что это такое. Как потом выяснилось, мы прошли более семидесяти верст, но всё-таки вышли к колодцам. Как раз в тот момент, когда отчаявшийся майор послал киргизов из основного отряда вперед, чтобы те передали его приказ привезти от колодцев воду. Он-то думал, что мы давно уже там.

Но сами мы в тот момент только вышли к колодцам, вымотанные и уставшие до смерти, после такого длительного перехода. Ноги не двигались, руки не поднимались. Солдаты просто попадали на землю. Но делать нечего, надо подниматься на ноги, очищать колодцы, набирать воду, чтобы спасти своих товарищей. Вот только повозки с бочками мы бросили по дороге, в горах. Не могли их больше тащить.

Киргизов отправили назад и наказали сказать майору, что следом прискачут казаки с водой. Мы собрали и наполнили всю посуду, какая у нас оставалась: бурдюки, малые бочонки, бутылки. Затем двадцать отобранных казаков во весь опор понеслись назад к отряду, кто с чем, стремясь успеть как можно раньше. Говорят, что первым прискакал хорунжий Кособрюхов, он всю дорогу держал небольшой бочонок правой рукой над головой.

Колонну спасли. Конечно, офицерам пришлось постараться, чтобы выдача воды не превратилась в всеобщую свалку, и организовать очереди. Однако среди солдат то там, то сям находились двурушники, пытавшиеся получить воду второй раз. Скоро казаки привезли ещё воды, и часть людей смогла самостоятельно дойти до колодцев, остальных вывозили на повозках и верблюдах. Наступила ночь, а обессиленных солдат всё ещё перевозили, что было очень трудно из-за рельефа - то в гору, то с горы. В результате этой задержки нас нагнал второй эшелон - отряд под командованием полковника Тер-Асатурова. Он привел роты ширванского и самурского полков, казаков, дагестанскую конницу и орудия второй батареи.

Второй эшелон претерпел все те же бедствия, что и наши роты: температура днём была не менее тридцати градусов, всю дорогу они шли вдоль трупов животных и брошенных тюков нашей колонны. Выбившихся из сил солдат они везли на лошадях дагестанских всадников и верблюдах, с которых тоже сбросили груз. Майор Буравцов выслал казаков с водой навстречу солдатам Тер-Асатурова, чтобы напоить их и помочь дойти до нашего лагеря.

Здесь я хочу остановиться и отметить, что все наши беды произошли от нас же самих. Ни у кого не было опыта походов в пустыне. Мы не понимали самых простых вещей - что нужно больше воды, больше припасов, больше подъемной силы. У нас не было в достатке даже емкостей для воды, не говоря уже об остальном.

Среди нас было очень много уставших и больных, а врача в нашей колонне не было. Два фельдшера - Краснов и Маяцкий - просто сбились с ног, но сохранили жизнь не одному десятку людей.

Скажу честно: я сам плохо переносил жару. Слава Богу, до солнечного удара не дошло, но дальше я бы идти не смог, если бы был приказ выступить тотчас. А вот Фёдор Левенцов казался живчиком, словно железный, ничего его не брало. То помогал солдатам во время перехода - нёс их ружья на плече - то уже после они с Долгоруковым-Смоленским вывозили больных к колодцам.

Девятнадцатого апреля вновь подул горячий ветер, принесший с собой песок. Он поднимал его в воздух, совсем не давая нам дышать. Командование приказало отдыхать. Все с облегчением вздохнули. Нужно было восстановить силы и пополнить запасы воды. В это время все старались вдоволь напиться: и люди, и лошади, и верблюды. Затем поступил приказ пересчитывать запасы. Помню, подсел ко мне подпоручик Саленко и говорит:

- Из восьми с половиной сотен верблюдов потеряли триста сорок.

Спокойно так говорит, - мысли вслух, - а сам не на меня смотрит, а мимо, на меловой склон, около которого расположены колодцы.

- Значит, продовольствия тоже много потеряли, - делаю я вывод из его слов.

- Шесть тысяч пудов, говорят.

Я только присвистнул. Что тут ещё скажешь?

- Как же мы пойдём дальше? - спрашиваю его через минуту.

Тот, так и не глядя на меня, только плечами пожал. Сидим мы дальше, молчим, у каждого в голове свои мысли, признаюсь, что совсем нехорошие. Тут с другими новостями подошёл Фёдор Левенцов, сел рядом с нами и говорит:

- Несколько рот и часть конницы оставляют.

- Какие роты? - спросил Саленко.

- Ширванские, самурские и дагестанцев. Они будут собирать провиант и запасы, что побросали по дороге. Отправили ещё киргизов назад в Киндерли за новыми верблюдами и бурдюками для воды.

- Получается, что мы идём дальше? - делаю я вывод из слов Фёдора, но ответить Левенцов не успел.

- Эй, что расселись!

Это подошёл Долгоруков-Смоленский. Лицо красное, обгоревшее и обветренное, носяра шелушится, но как был он занудным, так и остался.

- В шесть вечера выступаем на Биш-Акты, - сказал он. - Я что ли один должен готовиться, а вы рассиживать будете?

Покряхтели, встали и пошли готовить роты к новому переходу. В шесть часов вечера двинулись дальше восемью ротами и двумя сотнями казаков. Ещё и два орудия зачем-то с собой потащили, лучше бы воды больше запасли.

Вышли из лагеря, идём, значит, дальше. Я чутка отдохнул, но прилива сил не почувствовал, а Левенцов рядом - довольный, разве что не улыбается.

- Что, - спрашиваю его, - случилось?

- Митя, разве не знаешь? Киргизам задали трёпку! Майор Навроцкий прошёлся с конницей по их аулам. Говорит столько добычи захватил, что ещё сотня казаков нужна вывезти всё в лагерь. Вот же молодец!

«Уж такой молодец, - думаю про себя, - и так с этими киргизами проблемы, не говоря уж о том, что все наши проводники киргизы, а тут майор Навроцкий по их аулам прошёлся, как выразился Левенцов. Очень умно, ничего не скажешь. Своего добра шесть тысяч пудов на сотню верст разбросали в пустыне, чтобы отнимать провизию с боем у киргизов».

Тут нагнал нас штабс-капитан Барабанов. Он до этого с кем-то из офицеров шёл немного позади. Они баню обсуждали. Мечтали, значит. Не буду даже говорить, в каком состоянии были мы сами и наша одежда после всех этих переходов. Вот эти господа и мечтали, расписывая в подробностях и мелочах, что будут делать, когда поход окончится. Не знаю, был ли смысл в таких разговорах, самих себя дразнить только. Услышал, стало быть, Барабанов Левенцова, догнал нас, и что у меня на уме, у него на языке.

- Чему обрадовались, подпоручик? - прямо так, без обиняков говорит. - Дурацкое дело нехитрое - местных против нас настраивать. Лучше бы направил силы свои на перевоз провизии, а то мы тут тащим всё на себе, а Навроцкий развлекается.

- Как Вы такое смеее говорить? - не подумав, ляпнул в ответ Левенцов. - Оговаривать за глаза подвиги нашей кавалерии!

Это он, конечно, зря сделал. Субординацию надо бы знать. У Фёдора первая кампания, а Барабанов - бывалый вояка: усы браво в стороны торчат, коренастый такой, ещё и придиричивый, поучать любил молодых.

- Это Вы мне, подпоручик? Учить меня манерам вздумали? - говорит штабс-капитан Левенцову голосом, не предвещающим ничего хорошего.

Смотрю, Фёдор ещё что-то хочет в ответ грубое сказать, но я-то вижу, что его первая фраза уже задела Барабанова за живое. На счастье подоспел поручик Долгоруков-Смоленский и схватил Фёдора за рукав, мол, помолчи, не лезь на рожон. Левенцов иногда тоже мог быстро соображать, всё понял и рот прикрыл, но штабс-капитан, конечно, этот жест заметил и спросил:

- Вы что-то хотите сказать, поручик?

- Только то, что все устали, поэтому стали нервными, - ответил он тогда, пытаюсь охладить назревающий конфликт.

- Вы правы, только устали не все, у некоторых ещё есть силы. Сдаётся мне, что взвод подпоручика Левенцова недогружен.

С тех пор Барабанов всё время придирился к Левенцову. Помню, однажды он сказал капитану Усачёву, что воспитает из подпоручика настоящего офицера. Сам Фёдор с тех пор сдружился с поручиком Долгоруковым, а Барабанова старался обходить стороной. Но в целом, в нашем отряде царил дух братства и взаимопомощи.

Дальше разговоры промеж нас прекратились, потому что идти стало крайне тяжело. На протяжении пятнадцати верст пришлось преодолевать песчаные холмы, поросшие редким саксаулом. Однако отдых, полученный отрядом, сыграл свою роль, и к Бишь-Акты мы вышли достаточно быстро, потеряв в дороге лишь двадцать верблюдов, тюки, с которых были перераспределены между остальными верблюдами и солдатами. Мы не могли больше терять ни одного тюка с провизией.

Бишь-Акты переводится как «пять стрел». По легенде, здесь произошло сражение киргизов и туркмен. Каждое войско выбрало пять лучших бойцов, чтобы решить судьбу противостояния с помощью луков и стрел. Победили киргизы.

Колодцев оказалось множество, а вода в них была холодная, но солёная. Главной темой разговоров оставались майор Навроцкий с казаками и поручик Довлатбеков с дагестанскими всадниками, которые опустошали окрестные кочевья, захватив сотни верблюдов и баранов. Честно говоря, эти набеги воодушевляли наших солдат после невзгод первых дней, проведенных в пустыне. Но, понятное дело, что киргизам это всё не нравилось. В какой-то момент несколько кочевий собрались и предприняли попытку дать бой. Однако Навроцкий их быстро разогнал, вовремя получив подкрепление. Киргизы потеряли несколько человек убитыми, а мы - пару ранеными. В результате этих событий кочевья прислали послов к Бишь-Акты просить вернуть скот, и командир отряда приказал компенсировать потерю скота деньгами тем кочевьям, что не выступали против казаков. Так же было решено оставлять часть скота кочевникам в зависимости от количества кибиток и членов семей. На мой взгляд, это было мудрое решение: неизвестно с каким сопротивлением мы могли столкнуться, если бы в кочевьях начался голод. Благодаря Навроцкому отряд смог восстановить поголовье верблюдов. Весь кавказский отряд собрался у колодцев и был перераспределён. Наши роты снова вошли в авангард первого отряда, командовать которым назначили «Белого генерала», тогда ещё только подполковника Скобелева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.